

Мы молча осмотрели каждый себя и, удостоверившись в готовности, ожидали высадки. Наконец, вертолёт, еле касаясь колесами земли, завис над ней, и через минуту все выгрузились. Ещё через двадцать минут винтокрылая машина взмыла в небо.

Мы стали осматривать вокруг местность, где нам предстояло осваивать нашу новую жизнь. Куда ни посмотришь, мрачной стеной стояли серые горы. В течение тысячелетней истории по ним прошло много разных завоевателей. Теперь мы находились на рубеже начала и конца нашей жизни. Взгляд мой охватывал всю местность вокруг. Никаких признаков жизни; песок и камни, камни и песок. В этих условиях нам предстояло воевать.

Хмурый пейзаж напоминал скорее чужую планету, уничтоженную сотни лет назад. Кругом завывал ветер, переноса массы пыли и песка с места на место. Ни тени, ни деревца, никакого укрытия от беспощадного Солнца. Кругом было полное безводие. Каждый солдат имел около пятидесяти килограммов тяжёлого снаряжения. От жаркого климата оно казалось ещё тяжелее. Прапорщик, видя наше разочарование окружающим видом, подбадривал нас как мог:

— Ничего, ребята, это только начало. Привыкнуть придётся и более худшему. «Грязь войны», в прямом и переносном смысле понятия, для нас только начиналась. Капитан подал знак собраться возле него. Когда все остановились около него, он произнёс:

— Сейчас мы сделаем бросок на пять километров. Там мы соединимся с другой группой. Вот здесь, — он ткнул пальцем в карту, которая была разрисована всякими пометками.

Затем капитан сказал громко:

— В сторону без команды не отходить, воду на ходу не пить.

Мы молча двинулись за своим командиром, который теперь стал нам и отцом, и матерью. Было такое ощущение, что с каждым километром снаряжение становилось вдвойне тяжелее. Пот капал по всему телу, заливая глаза. Солнце всё сильнее похлопало своим смертельным жаром. Кровь гулко билась в висках. Но мы упорно шли по сухой пыльной земле. Наконец капитан крикнул:

— Стой! Проверить место привала, — он показал двум солдатам с миноискателями место, где должны были все расположиться.

Место было проверено, и отряд разом «грохнулся» на это, указанное капитаном, место. Все глубоко дышали, как будто только что за нами гналась смерть. Капитан через минуту произнёс:

— Разрешаю из фляжек выпить по три колпачка воды, но не

больше, иначе на ходу задохнётесь.

Все начали доставать фляжки и наливать драгоценную воду во фляжные колпачки. Прапорщик внимательно наблюдал за нами. Он-то знал, что во время движения вода может пойти во вред, а не на пользу. Приказа о дозе питья никто не нарушил, понимая всю серьёзность ситуации. Отдохнув ещё минут пятнадцать, наш отряд продолжил свой трудный путь. Через полтора часа мы дошли до того места, где должны были соединиться с другим отрядом. Капитан крикнул:

— А теперь долгий привал.

Опять проверив место, сапёры отошли в сторону; и все уселись поближе к командиру. Командир сказал:

— Сейчас поужинаем, и через полтора часа придут остальные. Потом двинемся на уничтожение базы «духов», но подробности потом, а сейчас всем ужинать и отдыхать.

Быстро проглотив свои порции сухарей с тушёнкой, все солдаты повалились спать, стараясь полностью использовать час отдыха перед наступлением. Не спал только караул, выставленный командиром для бдительного наблюдения за окружающей местностью. В такой короткий отрезок времени, отведённый для сна, никому, наверное, ничего не приснилось. Казалось, что этот час пролетел быстрее, чем минута.

Команда «Подъём!» — и снова все сели вокруг капитана. Не спеша, он начал объяснять суть операции.

ГЛАВА III

НАЧАЛО

Я посмотрел по сторонам и увидел, что прибыло дополнительно около двадцати человек. Они тоже собрались вокруг командира, слушали, каков план нападения. Командир объяснял суть плана:

— Первые пять человек из каждого отряда проходят и минируют лагерь. Через два часа остальные по моей команде нападают на лагерь. Разрушаем весь лагерь до основания. Пленных не брать!

По прошествии двух часов все двинулись к темнеющему недалеке объекту.

Впереди ползли сапёры, прокладывая остальным путь через смертельные минные поля. «Духи», совсем не ожидая нападения в глубине своей территории, вели себя почти безмятежно. Караульные на земле были бесшумно сняты с помощью ножей. Н несколько минут мы остановились, и тут начались мощные взрывы со всех сторон. Здания взлетали на воздух так, будто они были игрушечными.

Мне было поручено, как только начнутся взрывы, снять короткими очередями часового на вышке. После нескольких взрывов часовые переполошились, но высывались с вышек, чтобы увидеть, что происходит внизу. Короткими очередями по три патрона срезал часового с вышки. На территории всего объекта полыхал вся мощь пожар. «Духи», захваченные врасплох, немного погодя опомнились. Но было уже поздно, наши выстрелы почти в упор валили их наповал. Кое-где начали вспыхивать рукопашные схватки. Блестели в отблесках пожаров штыки и ножи. Наш прапорщик, подбежав ко мне, крикнул:

— Возьми пулемёт и отрежь им путь в горы, — он протянул руку и указал на подъём, который тянулся узкой лентой в гору.

Я взял у него пулемёт с боезапасом. Поднявшись около двухсот метров вверх, я лёг на камни. Впереди меня был резкий уклон, что обеспечивало мне хорошую позицию, а это являлось существенным преимуществом. Отстегнув сапёрную лопатку, я присыпал немного каменистого грунта перед собой, чтобы в какой-то мере обезопасить себя от встречных пуль.

«Душманы» не заставили себя долго ждать. Сильно теснимые нашими ребятами, они вынуждены были уходить в горы. Хотя и не

любили они отступать, но другого выхода у них не оставалось. Появившись на подъёме в гору сначала по одному, а затем по двое, они тихо, почти бесшумно, хотели выскочить из смертельного огненного кольца.

Лёгкий рассвет, который уже поднимался над землёй, был для меня кстати. Я подпустил «душманов» почти вплотную и, взяв их на прицел, резко нажал на спуск. Очереди секли «духов», не давая им опомниться. Они падали на моих глазах, не успев ни разу выстрелить. Но прошло немного времени, и они, заметив засаду, обрушили на меня шквал огня. Теперь уже я не мог их достать, прячась за камнями. Важно было не дать им подняться и приблизиться ко мне. Тут я заметил, что к ним прибавилось ещё десять отступающих. Я видел, что сдержать их будет почти невозможно, и стал выбирать новую позицию.

Но на новой позиции, которую я выбрал, я не смог добиться успеха, и «душманы» всё более заполняли подъём. Стало совсем светло, что теперь уже было не в мою пользу. Ситуация складывалась для меня критическая. Тут я увидел, что с правой стороны наши солдаты вышли на «духов». Зажатые в кольцо «душманы» ожесточённо сопротивлялись, но участь их была решена. Теперь они падали, доживая свои последние минуты. Наконец стрельба стихла.

Несколько минут спустя, показался капитан. Он шёл к моей позиции, улыбаясь, радуясь победе. По пути ко мне капитан не заметил, что метрах в десяти от меня лежал раненый «душман», который, приподняв голову, направил на него ствол автомата. Увидев «духа», я мгновенно выхватил из своих ножен нож и метнул его в афганца. Нож по рукоятку вошёл в грудь «духа»; он упал, успев нажать на курок своего автомата. Пуля, пролетев в нескольких сантиметрах от капитана, врезалась в огромный камень и с визгом рикошетом ушла в сторону, в песок, подняв за собой пыль.

Капитан, шедший мне навстречу, перестал улыбаться и застыл в недоумении. Он понял, что чуть не лишился жизни. Подойдя ближе, он протянул мне руку и сказал:

— Ты только что спас мне жизнь. Ты стал моим братом; на войне это не пустые слова.

Во всём разгромленном нами лагере продолжался пожар. Это свидетельствовало о том, что работа была сделана хорошо. Все собрались вместе, капитан и прапорщик стояли посередине.

— Значит так, — громко сказал капитан, — работу эту мы сделали хорошо. У нас только двое убитых и трое раненых. Сейчас быстро уходим. Двадцать минут, чтобы собрать боеприпасы, которые подходят для нашего оружия.

У афганцев было много различного оружия. В основном, это были автоматы Калашникова, но было много и зарубежного оружия. Потратив много своих боеприпасов и заметно облегчившись, мы стали быстро собирать столько патронов и гранат, сколько могли унести с собой. Всё это было очень нам нужно теперь ежедневно.

Перевернув одного афганца, я заметил у него за поясом красивый никелированный нож. Когда я вынул его из кожаных ножен, сталь ножа засверкала во всём своём великолепии. Сунув нож за пазуху, чтобы он не выпал, я стал передвигаться, но почувствовал, что уже нагружен как ишак, явно взяв больше, чем способен нести. Ребята, увидев, что я еле иду, громко рассмеялись, хотя сами несли немногим меньше моего. Один из них крикнул в мою сторону:

— Ты что, весь «духовский» склад с собой забрал?

В это время прапорщик прокричал:

— Убитых наших взять с собой.

Солдаты, положив убитых на плащпалатки, несли их вперёд. Мы вышли к тому месту, с которого ночью начали атаку. Здесь находилось оставленное нами снаряжение, которое не понадобилось в бою. Когда все наши солдаты подошли, отряд двинулся в путь, чтобы отойти на безопасное расстояние от сожжённого лагеря. Пройдя около часа, мы остановились по команде капитана. Его слова нас ошарашили, словно каждого ударили обухом по голове. Вот что он сказал:

— Здесь мы похороним своих боевых товарищей.

Кто-то сказал:

— А что, разве «вертушку» вызывать не будем, чтобы отправить тела домой?

— Нет, — твёрдо сказал капитан. — У меня жёсткий приказ: убитых хоронить самим на безопасном расстоянии от места проведения операции.

Заметив наше оцепенение, он добавил:

— Хорошо ещё, что не пришлось оставить «духам». На будущее предупреждаю: если будем когда-нибудь срочно отступать, но не будет возможности взять с собой, придётся убитых наших оставлять. И не смотрите на меня так. Я вас живыми должен сохранять.

Или смерть вы ещё посмотрите и привыкнете к ней.

Капитан сказал правду. Далее оставшиеся в живых привыкали к смерти как к чему-то повседневно-обычному. Смерть наших товарищей станет для нас тоже привычной.

А теперь, — скомандовал капитан, — всем ужинать.

Но еда стояла поперёк горла, так как сказанное капитаном не складывалось в голове. То, что он сказал нам, означало, что даже мертвым никто из нас не последует домой. Это был замкнутый круг, из которого не видно было выхода. Услышав слова капитана, вдруг понял, что единственное спасение в том, чтобы оттачивать своё военное мастерство. По крайней мере, это продляло жизнь хотя бы на какое-то время.

Никто не притрагивался к еде, но затем кто-то начал, а за ним и остальные. Мы действительно привыкали к смерти своих товарищей и к чужой смерти. Закон войны диктовал только одно условие: выжить любой ценой. Кто не соглашался с этим законом войны, исчезал с несправедливой земли под нашими ногами навсегда.

Доев из банок кашу с бараниной и сухарями, запив водой, все лежали и смотрели в небо. Капитан скомандовал:

— Сейчас спать. Устраивайтесь среди камней. Костры не разводите. Выставить караул. Меняться по два человека каждые два часа.

Василич (прапорщик Васильевич) распределил смены караула так, чтобы каждый знал, кто кого подменяет на посту. Мы мало общались между собой, сказывалась страшная усталость. Окружающая обстановка не настраивала на разговор. Рано утром капитан поднял всех и объявил приказ:

— Двигаться для выполнения новой операции. Вопросы есть? Нет вопросов, — на этом он закончил своё объяснение поставленной задачи. — И ещё вот что. Завтрака не будет. Будем идти долго. Часов в двенадцать дня, уже когда будем находиться вблизи цели, пообедаем.

Все молча согласились и двинулись в путь. Солнце поднималось всё выше и выше. Воздух, как расплавленный металл, обжигал горло. Сухие губы покрылись белым твёрдым налётом, сухой язык тяжёлым камнем ворочался во рту. По лицу катился пот, словно приходилось стоять под водопадом. Во время движения капитан изредка давал команду остановиться для десяти-минутного привала. Наконец наступили долгожданные двенад-

цать часов дня. Раздалась команда «Привал!» Все солдаты собрались вокруг капитана. Он объявил:

— Обедаем и отдыхаем сорок минут. Перед началом движения объяснение задачи.

Ребята достали сухари. Прапорщик сказал:

— Ребята, банку тушёнки делите на двоих. Одна «вертушка» прибудет через три дня, с нею будет «сухпай».

Никто не выразил недовольства: люди уже привыкли к лишениям. Трудней всего было обходиться без воды. Вода была только для питья и только в ограниченном количестве. Местные афганцы этот палящий климат переносили как часть своей обычной жизни. Нам же, прибывшим из средней полосы России, из Сибири и Дальнего Востока, это казалось кошмаром. Солнце висело над нами как наказание Божие. Вдобавок ко всему, на зубах скрипел песок, который присутствовал на любой еде, что бы ты ни начинал есть. Песчаная пыль набивалась во все щели, во все вещи, во все снаряжение, которое казалось от этого тяжелее.

Бриться приходилось без воды, то есть, как говорили, «на сухую». О мытье в бане не было и речи. Как-то один из солдат спросил прапорщика о бане. Прапорщик ответил, что баню нам зададут «духи», а мыться будем в реке, если попадётся в пути. Реками эта земля была скудна. Вода здесь была дороже золота, да и то почти вся вода была непригодна для питья. Надо было проводить обработку воды для её обеззараживания. Нам были выданы таблетки, ещё были лёгкие примусы для кипячения воды.

Наконец по команде отряд поднялся и, пока капитан разговаривал по рации, прапорщик стал объяснять задачу новой операции. На первый взгляд, задача была простой. Надо было взять караван с оружием. Сложность была в том, что мы не знали численности охраны каравана, только понимали, что без хорошего боя его не взять. «Воины ислама» воевали умело, и переломить хребет большому зверю, то есть каравану, оказалось трудней, чем мы представляли.

Оказалось, что мы должны были уничтожить караван в том месте, где он мог соединиться со своими. Караван пропустили, потому спохватились, да поздно. И тогда решили нашими руками исправить ошибку, а сколько при этом прольётся крови солдатской, никого, похоже, не интересовало. Наш отряд вышел на назначенную позицию. Здесь надо было выжидать около одного дня. Это было как нельзя кстати, чтобы оценить обстановку

и начать окопаться.

Командование, посылая нас сюда, что-то не договаривало, а люди, зная всё о ситуации было для нас немаловажно. Капитан и прапорщик начали нашу расстановку. Капитан всё время говорил прапорщику:

Самое главное, Василич, чтобы мы здесь как можно меньше людей потеряли.

Василич, матерясь, говорил:

Ух, не нравится мне это место. Зря мы с тобой согласились на предложение командования. Надо было самим выбрать, не слушать их.

Да, — ответил капитан, — нашим генералам всё равно, сколько людей положить, лишь бы задачу выполнить.

Ближе к вечеру следующего дня вдали показалась голова каравана. Когда караван приблизился, мы увидели его огромную длину.

Да, — протяжно произнёс капитан, — как бы нам не надорваться ид таким большим караваном.

По пути следования каравана мы заранее заложили управляемые мины. Теперь только надо было надеяться, чтобы, в результате взрывов, погибло как можно больше «духов». Наконец мы ожидали команды капитана:

— После последнего взрыва — всем «Огонь!»

И вот началась операция. По всей длине каравана начали взрываться закопанные мины. «Душманы» начали метаться во все стороны, но взрывы продолжали греметь даже тогда, когда «душманы» отбегали с караванной тропы. И вот, наконец, последняя мина взорвалась. Над караванной тропой повисла плотная стена пыли и дыма. Тут с нашей стороны начался «огонь» из автоматов и пулемётов. Наши гранатомётчики били по крупным группам с оружием и боеприпасами. При попадании в верблюдов, перевязанных большими ящиками, раздавались оглушительные взрывы, в мелкие кусочки разносившие всё их содержимое.

Афганцы немного пришли в себя и стали отвечать нам ожесточённым сопротивлением. Завязалась яростная перестрелка. Рассредоточившись по всему каравану, оставшиеся «душманы» пнули по нам, явно не желая сдаваться. Внезапно за нашей спиной издали засвистели пули. Повернувшись, я увидел пускающиеся с холмов маленькие фигуры. Рядом со мной был прапорщик. Он повернулся и процедил сквозь зубы:

— Не хватало только чтоб нас взяли в клещи.